

☉ Лондонская премия представляет писателя ☉

АЛЕКСАНДР
ЛОЗОВСКИЙ

А Н О М А Л И Я

Александр Михайлович Лозовский

Аномалия

Серия «Лондонская премия
представляет писателя»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55847165

Аномалия:

ISBN 978-5-907306-22-6

Аннотация

Одесса, 2040 год. Украина вырвалась из затяжного кризиса, вернула территории, и наступил мир. Страна наконец смогла использовать свой богатый потенциал и вошла в число успешных и процветающих европейских государств. Но и проблем по-прежнему хватает, какая-то чересполосица сегодняшнего, завтрашнего и позавчерашнего. Родимые пятна социализма далеко не отпускают.

В основе сюжета романа – два месяца из жизни героев, Валентина Лаврова и Александра Гулько. Школьные приятели, тридцатипятилетние, вполне состоявшие люди, попали в водоворот неожиданных и порой необъяснимых событий. Эти события во многом изменили их жизнь и снова – в который раз! – доказали, что мы еще многого о человеке, его способностях и возможностях не знаем.

Содержание

Валентин	7
Шаманство	41
Саша	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Лозовский

Аномалия

© А. Лозовский, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Пожалуй, биография Александра Лозовского могла бы

стать хорошим сюжетом для литературного произведения: в 1950-х годах вместе с Романом Карцевым, Виктором Ильченко и Михаилом Жванецким он стоял у истоков знаменитого в прошлом одесского студенческого театра «Парнас-2», работал ведущим конструктором в различных СКБ Одессы, Алма-Аты, Москвы, став гражданином Израиля, освоил профессии дворника и журналиста. По словам самого автора, жизнь его помотала по всему Советскому Союзу и Израилю, и именно этот накопленный опыт в определенный момент, в достаточно уже зрелом возрасте, заставил взяться за перо.

Его романы отличаются захватывающим сюжетом, который с первых страниц повествования завоевывает все внимание читателя и держит на протяжении всего повествования. Наверное, именно благодаря этому редкому умению автора родилось тесное и плодотворное сотрудничество с киевским журналом «Радуга», в котором опубликованы все романы Александра Лозовского.

Ко всему этому стоит добавить, что автор – лауреат премий Владимира Даля, журнала «Радуга», премии им. Н. В. Гоголя, а украинская ассоциация ЛИК («Литература, искусство, кино – XX век») назвала одну из его книг лучшим романом года на русском языке.

*Чтобы жизнь была интересной, в ней
обязательно должны случаться
необыкновенные
и даже невероятные вещи.*

Даже если это будет происходить не со мной.
Джон Б. Вильямс

Валентин

Валентин проснулся до звонка будильника. Он повернулся на спину, осторожно, чтобы не разбудить Нину, которая, как обычно, спала спиной к нему, свернувшись калачиком. Буквой «С», как они эту позу называли. Нина – «с» маленькая, а «С» заглавной был Валентин.

«С» маленькая свободно размещалась внутри заглавной, потому что Нина была значительно ниже ростом: метр пятьдесят восемь – у нее, и метр восемьдесят пять – у Валентина! Если Нина укладывалась в койку первая, то скорее дремала, чем спала. По-настоящему они засыпали, когда кто-то говорил: «Ну все, спим!» Тогда они дружно поворачивались на левый бок (Валентин где-то вычитал, что на левом боку спать полезно, не давишь на печень), потом он, немного согнувшись, правой рукой прижимал ее к себе, целовал в макушку – это был привычный ритуал. После чего оба засыпали почти мгновенно, многие знают, как это ценно: никто никому не мешает, не раздражает.

Валентин протянул руку, нащупал телефон на тумбочке, посмотрел на экран:

07:50

Вт., 15 мая

2040 г.

Так и есть, без десяти восемь. Минута в минуту, удивительное постоянство. Интересно, когда не нужно рано вставать, скажем, в воскресенье или в других, надо признать, нередких случаях – он сам себе хозяин, – Валентин не просыпался до десяти, а то и до одиннадцати. Загадки организма.

Он очень любил эти минуты тишины, когда оставался наедине с собой и в то же время не один. Можно было спокойно, неторопливо приходить в себя после сна, вспоминать, размышлять, планировать. Он где-то вычитал, что очень вредно, едва проснувшись, вскакивать как ошпаренный, метаться, нагружаться. Ах, опаздываю! Что-то глотать, что-то прихлебывать на ходу... Нет, в новый день нужно втягиваться постепенно и утром думать только о хорошем. Он так и старался поступать... Если бы не сны. Но он после гриппа уже почти две недели, как вышел на работу, а сны его не оставляют. Возможно, последствия, не исключено... Во всех средствах информации не устают предупреждать, что последние вирусные гриппы дают самые непредсказуемые осложнения.

Но все-таки с утра – только о хорошем...

Он сладко потянулся, стараясь не потревожить Нину. Пусть поспит. Она лежать не любила, проснувшись, сразу подымалась, правда, несуетливо, неторопливо. И всегда в хорошем настроении. Потягивалась, уже сидя. А, кстати, плечо доказывало, что она пополнела. Пока все в пределах нор-

мы, но обратить внимание на это стоит: маленькие быстро становятся колобками.

Да, думал Валентин, спать с ней хорошо. Особенно в приличном, прямом смысле этого выражения. Он вспомнил свой предыдущий опыт – а опыт был, в тридцать пять лет это неизбежно. Скажем, предшественница Нины. Последняя... нет, на всякий случай скажем: предыдущая – не стоит зарекалась... Предыдущая подруга и даже сожительница Настя плохо засыпала. Вертелась, нервничала. Он, даже уснув, слышал, что храпит, и чувствовал себя садистом. Между прочим, с Ниной он не храпел, а может, она не слышала, что, в принципе, одно и то же. А Света, та вообще спать не любила – бывает же такое – и ему не давала. Ее любимая поговорка: спать вдвоем – значит не спать вдвоем. Да, не спать вдвоем она определенно любила. Света...

Но в глубь воспоминаний он погружаться не хотел. Дальше было минное поле...

А Нине на третье совместное утро он сделал предложение и не жалел об этом. А ведь многие, в первую очередь родители, думали, что он будет старым холостяком – в современном смысле этого понятия, то есть неженатым. Он легко сходился, но еще легче расходился. Не только потому, что был очень легкомысленным, и не только потому, что таково веяние времени... Была на то причина... Но утром – только о хорошем.

Определенно ему с женой повезло. Она и сама оптимист-

ка, и легко воспринимает чужой оптимизм. А еще легче заражается чужим весельем и вносит в него свою долю. И мужчинам она нравится, не только Валентину. Симпатичная, круглолицая, чуть-чуть курносая, глазки голубые, искрятся, полные губы всегда готовы к улыбке. Украинский тип. Быстро загорает, и загар ей идет. Волосы светлые – крашенные, не длинные, иногда немного растрепанные – но это стиль, а не небрежность. Фигурка хоть и маленькая, но все при ней. И – чего греха таить – бывает кокетлива. В меру, иногда чуть больше. Он к этому относился спокойно, не ревновал, считал: она не сексуальна, что было бы опасно, она привлекательна, а это не одно и то же.

Да, повезло, и если не всегда все слава богу, то дело не в ней.

Итак, новый день, 15 мая, вторник. Планы? Какие планы, все как обычно, все в норме. Четыре отделения ЖК «Валентин» будут с десяти утра до восьми вечера работать в нормальном режиме. Везде свои люди, хотя он так и не понял, хорошо это или плохо. Возглавляют отделения Нина, ее младшая сестра Лика, теща Галина Михайловна, в четвертом, самом отдаленном, главой является лично он, а замом – Красавица Ирина – так ее называют Нина и все семейство с ее подачи.

Нину Валентин взял прямо с последнего курса педагогического института и усадил в офис по продажам и сдаче в

аренду вместе с ее английским языком. Она не сопротивлялась. И поменяла девичью фамилию Полтораки на звучную Лаврова. Полтораки жили в Тирасполе. Потом родилась Мила, потом умер отец Нины, потом Валентин купил двухкомнатную квартиру в Одессе, куда теща с Ликой перебрались. Валентин с ними ладил, хотя с тещей это было непросто. Он, нужно сказать, почти со всеми ладил.

Так, о планах. Он обещал сегодня поужинать в кафе с Николаичем, хозяином довольно солидной строительной фирмы. Отказаться нельзя, это почетное приглашение. Кажется, Николаич хочет пригласить его в партнеры. Нужно серьезно подумать. Сейчас в строительном секторе проблемы, впрочем, они там были всегда. И риски. Конечно, риск – благородное дело, и деньги там другие. На его, Валентина, бизнесе не разбогатеешь, но на безбедную жизнь хватает. И тоже все непросто. Раньше выручала сдача квартир в летний сезон, но в последние годы, когда открылись Крым и Сочи, этот золотиносный ручей обмелел. И беженцы возвращаются в свои районы, освобождая квартиры. С одной стороны, есть резерв, а спрос падает. И Интернет режет под корень посредников. Может, действительно пора менять профиль? Или, точнее, не складывать все яйца в одну корзину? Думать, нужно думать...

Раздался звонок мобильного, восемь часов. Заворочалась и повернула голову к нему Нина, заулыбалась, еще не открывая глаз.

Определенно с женой ему повезло.

– С добрым утром.

– С добрым утром.

– И хорошим днем.

Они сели, спустили ноги – каждый со своей стороны кровати. У каждого свой коврик под ногами, своя тумбочка, свой торшер. Спальня была большая, и кровать, состоящая из двух, – тоже немаленькая – стояла изголовьем к стене между двумя окнами, очень удобно: они любили на ночь приоткрывать окна, и в голову не дуло. И еще одно немаловажное удобство – окна выходили в тихий двор, а не на улицу. Валентин прислушался: тихо во дворе, хотя гул транспорта с магистральных улиц, Преображенской и Короленко, доносился, но к этому привыкли.

– Все, я на зарядку, сегодня ветер не с моря, через полчаса нечем будет дышать. Закрой, пожалуйста, окна.

– Хорошо.

Они привыкли к тому, что комфортней всего находиться в квартире под прикрытием центрального кондиционера с фильтрами, которые обеспечивали постоянную температуру и влажность все сезоны, насколько могли, боролись с пылью и смогом, а летом – с жарой. Одесситы уже поняли, что потепление климата – не только пиар-компания: летом тридцать восемь – сорок градусов стали нередким явлением. А тридцать шесть в июле – августе – нормой.

Интересно, как выживают люди, у которых нет хотя бы

простенького кондиционера? Не напрасно социальные службы сейчас ставят их даром малообеспеченным людям, особенно пенсионерам. Либо государство стало сильно совестливым, либо жара – невыносимой. А скорее всего, и то и другое. Мрут старички, не выдерживают...

Нина с удовольствием потянулась – это была ее зарядка. Плюс застелить постель, убрать в спальне, приготовить завтрак, поднять Милу, подать на стол, помыть посуду, собрать Милу в садик и прочее по мелочам. Валентин когда-то – это было давно – предлагал свою помощь и слышал в ответ: «Ты, главное, не мешай». Он, нужно признать, очень легко и быстро с ней согласился. Правда, старался не пропускать в домашних заботах ничего, что требовало приложения силы: поднять, переставить, принести из машины, отнести заснувшую Милу в кровать. И никогда Нина не ворчала, как многие жены: мол, мне одной приходится, все на мне... Впрочем, кажется, я повторяюсь.

Зарядку Валентин делал на большом крытом балконе, зимой и летом. Он был только в шортах, хотя дул довольно сильный и прохладный для мая ветер, но что такое ветер для крепкого и еще молодого здоровяка! Валентин посмотрел на себя в трюмо, стоящее у стены, но большого удовольствия от увиденного не получил.

Собственно, здоровяком в общепринятом понимании его трудно было назвать. По-юношески стройным, подтянутым – да, это про него. Мускулатурой а-ля Шварценеггер природа

его не наградила, даже регулярно качаясь на тренажерах, он выглядел скорее жилистым, чем мускулистым. И не слишком широк в плечах. Но зато мог есть и пить сколько угодно и все что угодно. Но каждый тенор, говорят, мечтает петь басом. И наоборот.

Иногда о сухощавых немолодых женщинах говорят: сзади пионерка, спереди пенсионерка. Примерно такая же история: к нему сзади нередко обращались в лучшем случае как «молодой человек», а чаще «парень» и на «ты». Но когда «парень» поворачивался к ним лицом, то, как правило, смущались, потому что на свои тридцать пять он и выглядел. И основную роль в этом играли глаза: большие, карие, немного печальные. В них был опыт. Лицо у Валентина простоватое, немного скуластое, нос небольшой и почти курносый, губы как губы, подбородок как подбородок, волосы довольно светлые, легкие и непослушные. Словом, как сказал его друг и Любин муж, ехидный Сашка, обычное русское лицо с еврейскими глазами. Из-за глаз в нем многие подозревали еврея, хотя в роду таковых не имелось. А Нине его глаза нравились, впрочем, ей все нравилось... Да, я об этом уже говорил.

Утро в доме шло как по накатанному: пока он делал зарядку, «дамы» освободили ванную. Потом завтрак, потом Валентин посмотрел кое-что необходимое в компьютере, а Нина убирала со стола и писала инструкцию домработнице, которую они так никогда даже между собой не называ-

ли, а только уважительно и даже почтительно: Регина Сергеевна. Мила с полутора лет называла ее отчетливо по имени и отчеству и благодаря этому рано научилась не картавить. Шестидесятипятилетняя пенсионерка, бывшая заслуженная учительница не только помогала по хозяйству, но и могла посидеть с Милой, если хозяевам нужно было вечером уйти. А такая необходимость возникала нередко: дело молодое. Попытки пристроить в этом направлении маму Валентина или его тещу результатов не дали... Но утром – только о хорошем.

Пока они собираются на работу, немножко предыстории о Валентине Лаврове, его жене Нине и дочери Миле, без этого не обойтись.

У них на троих было пять комнат – так сложилось исторически. Квартира им досталась от дедушки, директора довольно большого завода, еще при советской власти. Тогда это был престижный район – улица Гоголя, между переулком Некрасова и бульваром Жванецкого. Эта квартира была их домом, их радостью, иногда со слезами на глазах.

В эту квартиру пришел только окончивший биофак университета молодой Григорий Петрович Лавров, отец Валентина, родом из села Болгарка, что под Одессой. Хороший, добрый человек, немножко слабохарактерный, немножко – не сильно – пьющий. Софья Михайловна, мать Валентина, тоже была неплохим человеком, но, как единственная дочь начальника, немного эгоистична и своевольна – эти качества

сохранились и по сей день.

Квартиру, конечно, в свое время приватизировали, и семья Лаврова стала переживать трудности по мере их поступления вместе со всей Украиной. Ушел на пенсию дедушка – он был на десять лет старше бабушки. Отец Валентина преподавал биологию и естествознание в школе, мать – французский в пединституте. К тому же Софья Михайловна подрабатывала на дому – французский язык входил в моду – и поэтому окончательно заняла в семье командные позиции. А что мог добыть биолог в то время? Бизнесмена из Григория Петровича не получилось, это было ясно, поэтому в доме речи типа «ты хотя бы починил окно, если уже не можешь...» звучали все чаще. А Валентин был ближе к отцу и проводил с ним больше времени.

Но все было более-менее терпимо, пока не умер дедушка, выбрав для этого очень тяжелое время – пятнадцатый год. Все не только в их квартире, но и в стране обрушилось в один миг.

Проблемы, проблемы, проблемы... Их осталось четыре человека на площади 142 метра, и коммунальные расходы оказались выше суммарного заработка. Отец не находил выхода и признавался Валентину, что устал чувствовать себя нахлебником, а тем более слышать это регулярно – напряжение не способствовало толерантности в общении, а ее и раньше было немного. Он уехал в Польшу на заработки, вслед за сотнями тысяч, а то и миллионами других. Валентину тогда

было тринадцать лет. Отсутствие отца он почувствовал, сучал по нему.

Первые два года Григорий Петрович присылал деньги, приезжал в отпуск. Он устроился по специальности в лаборатории консервного завода, платили прилично, а по сравнению с его заработками в Украине – фантастически. Ему там было неплохо, а спустя еще год стало совсем хорошо:

он нашел молодую – относительно – паненку и предложил Софье Михайловне развод. У Валентина язык не повернулся его осуждать, и в результате отношения с матерью не улучшились – он оказался на стороне отца. Тем более что Григорий Петрович добросовестно посылал деньги до тех пор, пока Валентин не окончил институт, хотя обязан был только до окончания школы. Детей у него в новой семье не было, так что Валентин оставался единственным любимым сыном. А лето у бабы Вали любимый внук проводил все школьные годы, не забывал ее и позже. Вот и прошлым летом гостил неделю.

После двадцатого года в стране полегчало, безумные коммунальные расходы пришли в относительную норму, и они втроем: Валентин, мама и бабушка – жили достаточно стабильно и более-менее обеспеченно. Валентин почти сразу после строительного института занялся близким к специальности делом, завел бизнес – помог с деньгами отец, одолжил, потом не хотел брать долг, потом... Словом, не чужие люди, сговорились.

Шесть лет назад Валентин женился и – острил – в надежде на бабушку завел с молодой женой ребенка.

Но бабушка подвела – скончалась, когда Нина была на третьем месяце, и ничего исправить уже было нельзя. Разумеется, это шутка, причем дурного тона, потому что, само собой, никто ничего исправлять не собирался.

У Софьи Михайловны был многолетний роман с преподавателем ее института, и Валентину даже казалось, что начался он еще до отъезда отца в Польшу. Две смерти были причиной перемен в квартире на улице Гоголя: смерть жены преподавателя освобождала дорогу, а смерть бабушки Валентина и перспектива оставаться с новорожденной внучкой по вечерам подтолкнула к решительным действиям. Софья Михайловна переехала к новому мужу – слово «сожитель» она органически не переносила. Валентин и Нина остались вдвоем, а потом втроем, с Милой. Он мать не осуждал, и Нина в общем-то – тоже. Софье Михайловне недавно грянуло пятьдесят, и ей очень не хотелось оставаться на старости лет одной. Упускать такую связь было глупо, в наше время, да еще в таком женском институте, как педагогический, даже двадцатилетние были готовы на ходу подметки рвать... Словом, ее отпустили с миром.

Во всей квартире после воцарения Нины был произведен ремонт, и почти везде заменили мебель, на что ушли все финансовые накопления Валентина. Исключением был кабинет, бывшая детская, потом холостяцкая комната Вален-

тина. Он на этом настоял. Там все оставалось по-старому: шкаф, книжные полки, любимый стол – только компьютер со встроенным принтером, разумеется, новый. Оставил даже софу двадцатилетней давности, на случай ссоры с Ниной – будет куда уйти на ночь. Но пока такой случай не представился.

Ну что ж, общие сведения у вас есть, можно двигаться дальше.

Они спустились со своего второго этажа на улицу спокойно и неторопливо – хозяева, если и опоздают на пятьдесят минут, не страшно, никто претензий предъявлять не будет. Возле парадной им встретился сосед Спиридон, который жил во дворе, на первом этаже, под их спальней. Он, как обычно, с утра пораньше уже соответствовал этой фамилии. Впрочем, никто толком не знал, фамилия это или имя, а может быть, прозвище, но важно, что он на это слово откликался. Он был не шумный и безобидный, но пару месяцев тому назад подобрал бродячего – как и он сам – небольшого пса. Пес иногда жил у него дома, иногда – под окном. Это было удивительное животное, он если не лаял, то подвывал, а ночью совмещал и то и другое без перерыва. Такие собаки, вы знаете, бывают. Уговаривал Спиридона весь двор, но ничто не помогало. Однажды Валентин тоже участвовал в такой делегации, они хозяину и его собаке добра не желали. И спустя какое-то время пес действительно издох. Наверно, съел что-

то неподходящее, потому что хозяин его почти не кормил и не поил. А Спиридон почему-то заикнулся на мысли, что это дело рук Валентина, как наиболее от пса пострадавшего, и сообщал об этом всем и каждому, в том числе и ему. Вот и сейчас: «Ну что, не снится по ночам бедное животное?»

Когда Валентин был с семьей, Спиридон был краток, а наедине мог обрушиться не слишком приличным монологом. Но что с алкашом поделаешь? Не применять же силу. И к тому же Валентин чувствовал при этом дискомфорт. Конечно, он бедного пса не травил, но помнил, что вслух и от души пожелал: «Чтоб ты сдох!», и даже в воспаленном мозгу возникла картинка – мертвая собака на асфальте. Неинтеллигентно кому-нибудь живому желать смерти, но у него имелись оправдания. Это была ужасная ночь, кризис гриппа, а пес то лаял, то выл не замолкая. И потом, убить оленя, зарезать свинью можно? Но все равно, когда утром Нина сказала ему, что пес сдох, – сказала с радостью, – он по контрасту почувствовал себя не комильфо...

Поэтому на приставания соседа отвечал стандартной фразой: «Иди, Спиридон, бог подаст».

Почему бог, почему он должен подать, обоим было неясно, но Спиридона это успокаивало.

Машина Валентина стояла недалеко от парадной. Он, как обычно, довез их до детского сада, который был недалеко от конторы Нины, и поехал к себе «на выселки», так они называли его офис, расположенный в дальнем новом районе.

Это была дорога не столько дальняя, сколько долгая. В стоянках-очередях возле перекрестков хватало времени все вспомнить, обо всем подумать, все спланировать и... можно было начинать сначала. Минут тридцать пять – сорок только для того, чтобы выехать из центра города. Валентин не смотрел по сторонам: не до того. Чуть зазевался – сзади клаксон. Окна закрыты, но смог выхлопных газов проникает в салон, большинство машин на бензине и солярке, хотя есть и электромобили, но их немного. Метра два проехал – стоп. Он каждый раз давал себе обещание перейти на общественный транспорт, для которого хотя бы выделили отдельные полосы и даже улицы и который в последние годы не только довольно неплохо работал, но и был комфортным. Львовские автобусы стали не в шутку, а всерьез «вторыми в мире и первыми в Европе», как пел старый патриот, западенец Вакарчук, они заполонили украинские дороги. Маршрутки двадцатых годов оставались только в ужасных воспоминаниях и ночных кошмарах.

А пока времени думать о чем угодно – и о хорошем, и о плохом – было более чем достаточно. Конечно, за последнюю пару десятков лет страна стала другой. Догнали и даже перегнали поляков – еще бы, наша земля и наш технический потенциал! – оставили за бортом всех своих соседей по ВВП на душу населения, включая северного. Но и проблем по-прежнему хватает, какая-то чересполосица сегодняшнего, завтрашнего и позавчерашнего. Эти родимые пятна

социализма далеко не отпускают. И центр города попал в зону этих родимых пятен.

Интерес мэра и бизнеса полностью переключился на строительство новых районов. Впрочем, районами их было назвать трудно, скорее, просто новостройками. Современные многоэтажки вставлялись в свободное или специально подчищенное место, а все вокруг оставалось, как говорила одна моя знакомая, «како было – тако есть». Высотки теснились вдоль побережья, захватывали километр за километром, сливались с Черноморском с одной стороны, заходили за Дофиновку с другой. Это было успешное, бурное наступление! Создавалось впечатление, что мэр и мэрия работают отлично. Но Валентин был в курсе дела и понимал, что это не совсем так. А точнее, совсем не так.

Дома возводили строители, от «А» до «Я», мэрия им только предоставляла, точнее, продавала площадку в соответствии с генеральными планами, а чаще без всякого соответствия. Мэр в том участвовал, злые люди говорили, только в одном формате – входил в долю. А в чем основная работа мэра? Главное – поддерживать жилой фонд и инфраструктуру города, то есть ремонт и реставрацию всех объектов, водопровод, канализацию, электричество, развивать транспортную систему и... дороги, дороги, дороги. В новых и старых районах. Всем этим мэр практически не занимался. Это было наследственное заболевание одесских мэров, поэтому бесконечные пробки, хронические проблемы с водой, кана-

лизация обнаруживалась в прибрежных водах – город развивался, но современным не становился. Новые районы вдоль побережья росли, а старые с не меньшей скоростью разрушались.

Предыдущего мэра посадили именно за то, что ничего не делал, а только продавал участки, нового вот-вот должны посадить за то же, но ситуация кардинально не менялась. Дороги забиты и в новых сверкающих районах, и в старом городе. Только в старом они еще в выбоинах и заплатках или со старым булыжным покрытием. Проклятие России – дураки и дороги – никак не удаётся изжить.

Прежнее громкое название – «центр города» – постепенно стали забывать и переименовали в «старый город». Бывший гордый «центр» действительно становился «старым», дряхлым и даже запущенным.

Вот такое сочетание старого и нового.

Наконец выехали из центра, поехали быстрее, но возле каждого светофора все равно задержка.

«Что-то я совсем захандрил, – спохватился Валентин. – Можно думать и о плохом, но перегибать не стоит. Весна, солнышко светит, если бы не пыхтящий трейлер справа от меня, я видел бы знакомую рошу и зеленеющие поля. И я приближаюсь к месту моего назначения. Откуда это:

“Я приближался к месту моего назначения”? А, “Капитанская дочка”. Петр Гринев. Вот оно, место моего назначения. Его высотки в лучах солнца прям-таки сверкают! Еще минут

пятнадцать проторчу на въезде и буду в офисе. Выпью кофе, кофе бодрит. Долой пессимизм!»

Где-то Валентин вычитал, что пессимизм рождается от безделья. У занятого человека просто нет на него времени. Это все очереди на дорогах, они веселью не способствуют.

Район производил впечатление. Четыре мощные блестящие двадцатипятиэтажки почти цеплялись друг за друга углами, они казались единым монолитом с заасфальтированной площадкой, очень скромной по размерам – ничего лишнего. И вокруг многоэтажки поменьше. И вообще все в районе соответствовало этому принципу: ничего лишнего, все в жилье, остальное по возможному минимуму. И даже по невозможному минимуму. На той же площади добавлялись тысячи жильцов, и никого не заботило, что нормальную жизнь людей должен обеспечивать минимум условий.

Так называемые новые районы превращались в человеческий улей, муравейник, и богатые люди сюда не вселялись. В последнее время утвердилась тенденция – больше половины новых квартир были однокомнатными, то есть основной контингент – люди, мягко говоря, небогатые. А поэтому за внешней красивой оберткой домов применялись не очень полезные и недолговечные материалы, дешевые технологии, было невысокое качество. Главное – быстрее продать. Хотя в рекламных роликах, особенно в панораме, все выглядит привлекательно, но даже в этих роликах дороги рядом с громадами домов кажутся тропками, и названия «аллея»,

«бульвар» – это из другой оперы.

Валентин где-то вычитал определение: многоэтажные новостройки – это блеск и нищета современной бедности. Может быть... Богатые на этажи не лезут. Он в этом районе жить не хотел бы. А может, он просто привык к прямым улицам, возможности не торопясь прогуляться, пройтись, самому или с семьей, к нормальным, обычным, твердым стенам, без подвоха, когда в любом месте можно повесить картину...

И не только он – элитный поселок Савиньон обходится без многоэтажек.

Но вот наконец и офис.

Он был расположен на первом этаже одной из высоток. Солидная, но скромная вывеска «ЖК “Валентин”». Соседнее помещение, поменьше, тоже принадлежало ему, но он знал, что Гриши там нет, он на объекте.

Валентин вошел в офис.

Внутри все аккуратно и по-деловому. Четыре рабочих стола, три из них – с компьютерами и принтерами. Так как отделения работали десять часов в день и суббота была рабочей, то расписание для работников было довольно сложным, и я не буду входить в подробности. В данный момент работают Оля и Рена, «девочки», которым за тридцать. Они и сами так себя называют, и не обижаются, когда это делают другие. Есть еще «девочка» Надя, но она в отгуле. Рядом с Олей – пожилая женщина, очевидно, клиент. Рена работает

за компьютером, ищет заказчиков или дополняет объявления фирмы – обычная работа «девочек». А кто стоит, наклонившись над Реной, понятно без объяснений – Красавица Ирина. Ее ни с кем не спутаешь. Ирине двадцать шесть лет, и она вполне могла бы играть Снежную королеву. Высокая, стройная, нет, скорее, точеная, каждый элемент ее тела идеален, вот уж природа постаралась. В последние годы женская мода носить облегающую одежду достигла апогея, и ее жертвам уже невозможно скрыть малейший недостаток фигуры, но у Ирины недостатков не было. Глаза большие, не синие – голубые, волосы до плеч, светло-золотистые, некрашеные. Лицо... лицо продолговатое, аристократическое, лицо шведской Снежной королевы. Любые цвета ей шли, но сейчас в моде было сочетание пастельных тонов, и это подчеркивало образ. Ирина понимает, что такая внешность требует определенного поведения, манер, некоторой холодности, иначе будет диссонанс. И нужно держать определенную дистанцию с простыми смертными, особенно с мужчинами. Но довольно часто, вступая в контакт с симпатичными ей людьми, она оттаивает, улыбается и становится не только красивой, но и просто по-человечески приятной. Вот такое сочетание. Валентину иногда кажется, что эта доля – быть не просто красивой, а очень красивой – ее утомляет. Собственно, ему это не кажется, он знает, что так и есть, потому что входит в число доверенных и симпатичных ей людей.

Ирина поворачивается к нему, выпрямляется и с ледяной

вежливостью спрашивает:

– Начальство не опаздывает, а задерживается?

«Девочки» с улыбкой кивают хозяину и возвращаются к своим делам, на традиционную утреннюю пикировку начальства внимания не обращают.

– Подчиненные должны прежде всего здороваться с начальством.

– Здравствуйте, господин начальник. Мы рады вашему прибытию.

Ирина искусственно улыбнулась, но было видно, что это игра. Ей было приятно его видеть.

– А уж как я рад вас видеть, уж так рад, – он тоже немного ерничал, но звучало искренне. И он перешел на обычный тон. – Вижу, я не много потерял. Никого не было?

– Пока никого. Только съём. – Ирина кивнула в сторону клиентки возле Оли. – Правда, позвонил Бочков, обещал прийти. Чем-то опять недоволен.

– Осточертел. Снова будет крутить пальцем перед моим носом.

Бочков купил квартиру в одном из строящихся домов и вот уже полгода довольно регулярно приходит на стройку, сует нос в каждый угол, а потом с жалобами является к Валентину. Такие клиенты попадались, но этот был из худших. Нувориш, недавно из села, оборотистый, но... невыносимый. И у него была привычка вытягивать руку почти к лицу Валентина, Оли, Рены и указательным пальцем – с обку-

санным ногтем – водить справа налево: «Вы думаете, я на это соглашусь? Не на того напали». Исключение он делал только для Ирины, даже такой толстокожий ощущал дистанцию.

Валентин поморщился, он понимал, что дело не только в поведении Бочкова, но и в том, что он был из-под Донецка. И, несмотря на то что Украина торжественно зарыла топор войны и все бывшие враги друг другу обещали прощение, мир и в «целовецех» благоволение, лично у него это плохо получалось. Была на то серьезная причина. Так же, но в меньшей степени, он относился к украинским националистам, которые со своей манией всеобщей украинизации в чем-то провоцировали окружающих. В основном это были «западенцы». Валентин иногда думал: почему им так хочется всех подавлять и подстраивать под себя? Может, потому что большинство из них были так называемыми малыми народами в Польше, Венгрии, Румынии, пока Сталин их не прирезал к СССР и они не стали Украиной. И вот тут у них проявился державный комплекс. Теперь они не малые, а державообразующие! Правда, сейчас, с возвращением территорий, хватка националистов ослабевала. И не стоит тянуть с собой в настоящее и будущее прошлые беды. Он считал себя человеком уравновешенным, доброжелательным и немного консервативным. Собственно, так оно и было.

Валентин пошел в кабинет, дверь в который была по правую сторону от входа. Этот кабинет он демократично делил с Ириной. Помещение было небольшим, стол хозяина стоял

прямо против входа, места для заместителя едва хватило у стены напротив окна. Между ними в углу с трудом разместили шкаф с документами. То есть общение волей-неволей было тесное, кричать необходимости не было. За креслом хозяина висела картина «Девочка с персиком» Серова, которая выдавала его несовременные вкусы и скрывала сейф.

Валентин уселся за стол, положил на него принесенный из машины ноутбук – компьютер на столе не держал, стал что-то выкладывать из ящичков. Ирина вошла в кабинет через несколько минут с подносом, на котором были две чашки кофе, салфетки, блюдце с орешками. Это была принятая ею добровольная обязанность, «девочки» кофе не подавали.

Затем она открыла верхнюю дверцу шкафа с документами и вынула красивую бутылку армянского коньяка – там оказалось еще две-три бутылки с аналогичным содержимым, налила в чашку Валентина две ложки, себе – одну. Это тоже был ритуал.

Они с удовольствием пили кофе. Разговор начал Валентин.

– Кажется, мы с тобой остаемся без работы.

Договоры на покупку квартиры оформляли они, подписывал Валентин – если не был в отпуске. А аренду оформляли «девочки». Раньше было проще, а сейчас даже на аренду целый пакет документов. Все учтено: и порча имущества, и гарантии, и самые различные обстоятельства, включая форс-мажор, – тлетворное влияние заграницы.

– И отлично, а где можно отдохнуть, как не на работе? Дома, со свекровью?

Валентин понял: она хотела сказать «и с мужем», но сдержалась.

Помолчали. Кофе был вкусным, Ирина это умела.

– Валя, мне нужно подойти к Александру, он в суд подает. Что-то у него обвалилось...

– Допьем кофе, и иди. Да, кстати, тебе привет от Нины.

Ирина усмехнулась.

– Не забывает. Почему ты меня не уволишь? Ей будет спокойнее.

– Не хочу, чтобы она расслаблялась и потеряла форму. А вот почему ты не уволишься?

– По той же причине: не хочу, чтобы Денис...

Валентин ее перебил:

– Ты мне льстишь, твоему Денису даже в голову не приходит, что я могу быть его соперником.

– Валя, он везде видит соперников.

Ирина огорченно покачала головой.

Они помолчали. Молчать тем, кто проводит вместе так много времени, совсем не трудно. Никто никого не собирался увольнять, и никто не собирался увольняться. И их половины в общем не слишком волновались. Нина Валентину доверяла, а Денис действительно не считал его достойным соперником. И они были правы. Точнее, почти правы. Все-таки года три тому назад у них было, несколько раз. Правда,

Ирина тогда была еще не замужем. Так получилось. И получилось очень даже неплохо, впечатляюще, поэтому, наверно, Ирина больше не хотела бога гневить, рисковать. А Валентин... Знаете, Валентин легко сходилась и еще легче расходился.

В это время послышался шум за дверью, выделялся грубый мужской голос, но о чем идет речь, было невозможно разобрать. Ирина вскочила.

– Наверно, Бочков явился. Посмотрю.

Она вышла, но через пару минут вернулась, давясь от еле сдерживаемого смеха, закрыла за собой дверь и приснула.

– Ой, Валя. Конечно, это неприлично. Чужая беда... Но... но... не могу. Ты, Валя, пророк! Как ты сказал, ой, не могу. Кто-то ему его откусит...

– Что, кому...

В дверь проскользнула, зажимая рот ладошкой, Оля.

– Ох... Валентин, вы как в воду смотрели, – она пыталась сдержать смех. – Он сунул его в клетку, и гиена ему откусила. Где... ох... где он нашел гиену?

Дверь снова распахнулась, и на пороге появился красный и возмущенный Бочков.

– Так себя нормальные люди не ведут. Интеллигенция! Я не позволю...

И он по привычке вытянул руку вперед. Вместо указательного пальца там была аккуратная наклейка. Валентин похолодел, он почувствовал, как между лопатками течет про-

хладный ручеек. Все поплыло перед глазами. Он ухватился за стол. И отчетливо вспомнил: это было сразу, как только он вышел на работу после болезни, – надоевший всем Бочков вышел из офиса, помахав на прощание перед ним указательным пальцем, и Валентин громко сказал «девочкам»: «Не удивлюсь, если кто-нибудь ему этот палец откусит». Тогда же в сознании промелькнула картинка, такая, как перед ним сейчас: ладонь и вместо указательного пальца аккуратная наклейка.

Наверно, он побледнел, потому что Ирина испуганно сказала:

– Валя, тебе плохо? Что случилось?

– Н-ничего, – с трудом выдавил он. И знаком показал: мол, уведите его.

Ирина поняла.

– Бочков, видите, человеку плохо. В офисе поговорим.

Наверно, вид Валентина подтверждал, что это не симуляция, иначе Бочков не позволил бы Оле без сопротивления себя увести, пробурчав недовольно:

– Что смешного? Пошел с дочкой в зоопарк...

Ирина осталась.

– На тебе лица нет. Ты такой чувствительный?

– В-все в порядке. Наверно, утром перекачался. – Голос был хриплым. – Дай мне, пожалуйста, немного коньяку.

Ирина торопливо выполнила просьбу, налила пол кофейной чашки. Он взял бутылку, долил доверху.

– Да что с тобой? Если сердце, тогда...

– Коньяк расширяет сосуды. – Он выпил. – Спасибо, Ирочка. Ты собиралась к Александру?

– Ты уверен? – В ее голосе были обида и тревога: поняла, что он хочет остаться один. – Ладно, телефон с тобой... В случае чего звони...

Она немного хлопнула дверью. Не сильно – все-таки человеку было нехорошо.

Ему было не просто нехорошо. Он был испуган, испуган по-настоящему, до дрожи в коленках. Главное слово было – «откусит»! У человека откусили палец! Откусили! Насколько вероятно, что у человека кто-то откусит палец? Такое совпадение невозможно. Ну, отрезать, разбить... Но откусить!

С ним в лучшем случае не все в порядке. А в худшем...

Это, с ужасом подумал он, второй случай за последний месяц. И Спиридон к нему прицепился, а у алкашей – он где-то вычитал – очень сильна интуиция. Он это не связал бы с Бочковым, если бы не было повторения. Тоже вслух пожелал и тоже увидел картинку. И исполнилось!

Он встал, достал из шкафа бутылку – достаточно было руку протянуть, – налил еще чашку, сел, отпил половину. Прислушался к себе: кажется, полегчало.

А вывод? Перед выводом он допил коньяк, еще немного расширил сосуды.

Валентин, разумеется, не верил, что желания могут волшебным образом исполняться. Невозможно видеть будущее, можно

только его угадать – это относилось даже к Нострадамусу и Ванге, не говоря уже о нем, грешном. А он не только предвидел, но и увидел еще не сбывшееся. Такое в реальной жизни невозможно. Да, определенно с ним не все в порядке.

Коньяк помогал сохранить трезвость ума. Он решил проверить немедленно, а был ли мальчик, в смысле – Бочков. Встал, открыл дверь и спросил сидящую ближе к нему Рену:

– Бочков ушел?

– Ушел.

– С пальцем?

«Девочки» дружно рассмеялись.

– В смысле – без!

– Вы, Валентин, как в воду...

Он закрыл дверь. Значит, либо это правда, либо галлюцинации продолжаются. Посоветоваться бы. Чтоб человек посмотрел со стороны. Может, он действительно слишком много внимания уделяет чепухе. Хотя не только это. А сны? Нет, основания для беспокойства имеют место быть.

– Имеют место быть, – повторил он вслух. Прозвучало солидно. Сосуды определенно расширились.

И главное – чтобы об этом не узнали, особенно дома. И тут, на работе. Сознание, что рядом... скажем... не совсем нормальный человек, создает напряжение.

Сашка! Сашка – это кладбище моих секретов. Надежней сейфа!

С Сашей Гулько Валентин просидел за одной партой со

второго по седьмой класс, пока их не рассадили по росту. Саша отправился в первые ряды, к маленьким. Его профессия – журналист – позволяла быть в любое время в любом месте.

Валентин позвонил ему и предложил встретиться в кафе рядом с его домом в двенадцать часов.

– Припекло?

– Припекло.

– Буду.

Валентин решительно поднялся, с сомнением посмотрел на бутылку – нет, хватит. Поставил ее в шкаф. Позвонил Николаичу, извинился, сказал: «Что-то съел не то». Закрыв ноутбук, взял сумку и вышел.

– Девочки, скажите Ирине, что я сегодня не вернусь.

– Вы на машине? – удивленно спросила Рена, наверно, почувствовала запах коньяка. С этим очень строго!

– Нет, оставлю на стоянке. До завтра.

Остановка автобуса была на трассе, туда нужно было пройти какое-то расстояние, не пять-семь минут, как писали в рекламе квартир, а пятнадцать-двадцать, потом спуститься по ступенькам. Там, как и писали в рекламе, были и магазины, и кафе, рестораны, аптеки. Вроде действительно недалеко, но и не рядом, да еще туда под гору, а обратно наверх – за всякой мелочью не находишься. А в новостройках – жители правы – об инфраструктуре никто не заботится.

Львовский автобус был хорош. Прежде всего – удачный

маршрут, есть остановка в полутора кварталах от дома. Правда, будет немногим меньше часа езды, но на машине было бы еще больше. И сиденье в автобусе удобнее, и рулить не нужно, и амортизация лучше. И выпить можно! Зачем они мучаются, частные собственники? Инерция мышления. Жаль, что не взял планшет, нужно носить в сумке, подумаешь, триста граммов. А тут для него специальная рамка на спинке переднего кресла и подлокотник с покрытием, для мышки. Хорошая половина пассажиров сидела в наушниках и с планшетами – прогресс!

Ладно, ему есть о чем подумать без Интернета, хотя, может, неплохо бы и отвлечься, не впадать в истерику. Может, еще обойдется. Бывают и не такие совпадения – впрочем, это утешение его по-прежнему не очень убеждало. Он вспомнил о снах, которые преследуют его после... да, пожалуй, после гриппа. Один на всю ночь бесконечный и бессмысленный фильм, с повторяющимися эпизодами и одними и теми же действующими лицами. Если он просыпался, то потом этот же сериал продолжался. Трудно было понять, с какого места, как поймешь, если нет ни смысла, ни содержания, ни экшена. Но фильм тот же, и он непременно участник. Именно повторение и бессмыслица угнетают. Валентин где-то вычитал, в серьезных источниках, что такие сны – это тревожный сигнал состояния психики. И, кстати, потом он у знакомого психолога – как бы невзначай – поинтересовался, тот был еще более категоричен.

Нужно с Сашкой поговорить. С ним только одна проблема: он заглядывает жене в глаза и даже виляет хвостом, но, если попросить, не расколется. Он секреты держать умеет. Да их у него и у самого полно. В этом журналисте и по совместительству неплохом, хоть и не раскрученном писателе противоречий на двух-трех нормальных людей хватит. Ну вот, к примеру, при таком подобострастном отношении к Любе он вполне может забежать налево, при этом не колеблется, не сомневается ни до, ни после. На вопрос, не боится ли погореть, отвечает: «Боюсь, еще как боюсь, я очень боюсь ее потерять, а если проколюсь – тебе известен ее характер! Но без опасности нельзя почувствовать жизнь. Ты знаешь, что сказал Вольтер? “Человек рождается, чтобы жить в судорогах беспокойства и летаргии скуки. Третьего не дано”».

Саша был человеком начитанным. Он и в журналисты пошел, чтобы испытывать судороги беспокойства. И острый язык приносил ему дополнительные ощущения. Его даже в дом ближайшего друга со второго класса не пускали больше года. Это случилось не так давно, на каком-то дне рождения Валентина, тогда, когда его мать Софья Михайловна жила еще на Гоголя, была еще Лавровой и пока не ушла к новому мужу. А его отец тогда уже жил в Польше. Приятный вечер приближался к концу, когда гости стали обсуждать, на кого похож Валентин. Это было нелегкое задание, потому что скорее у Нины было сходство с Софьей Михайловной: и внешне, и рост, и фактура – их часто на улице подозрева-

ли в родстве. А отец Григорий Петрович был среднего роста, крепкий, плотный, довольно светлый русак, чьи мускулы мало-помалу переходили в жирок.

Постепенно пришли к выводу, что ни в мать, ни в отца. Софья Михайловна была недовольна. А Саша задумчиво проговорил:

– Что я могу сказать, глядя на Валу? Только одно: проезжий молодец был евреем.

Только после того, как мать переехала к новому мужу, Саша стал снова вхож в их дом.

Они многое друг о друге знали, наверняка больше, чем их жены. Саша, например, единственный, кто знал о существовании Милы Росевой и когда-то даже был с ней знаком, кроме, разумеется, бабки по отцовской линии Валентины, живущей в селе Болгарка под Одессой. А, кстати, сам Валентин в честь этой бабы Вали и был назван.

Все эти мысли беспорядочно бродили в голове Валентина, пока он задумчиво смотрел в окно, смотрел и не видел. Но отвлекся и трястись почти перестал. Вот уже и самоирония появилась – хороший признак.

А за окном показались знакомые места, дорога стала ощущаться даже через «вторые в мире и первые в Европе» амортизаторы. Скорость замедлилась местами до нуля. Въехали в бывший «центр».

Валентин из окна автобуса с сочувствием смотрел на знакомые улицы старого города. О дорогах я уже говорил, но и

фасады зданий имеют потрепанный вид, а тротуары и дворы просто ужасные, они остались такими, какими были во времена юности Валентина и даже юности его матери. А некоторые – и их немало – даже бабушки.

А ведь очень многие здания в Одессе являются, без преувеличения, памятниками архитектуры девятнадцатого и начала двадцатого веков, их строило богатое и уважающее себя население. Почему же так запускают исторический центр? Парочку центральных кварталов для туристов еще поддерживают – и на этом все. И туристическим центром знаменитая во всем мире Одесса не стала. Львов стал – еще доберись туда. А тут и море, и история, здесь Одесса! Но город приводить в порядок и создавать инфраструктуру туризма никому не хочется, проще поднять пару высоток – и поделить результат. А легендарную Аркадию превратили даже не в муравейник – в термитник.

Валентин с Ниной осенью были в Лондоне, туманном, дождливом, вечно сыром, и какой там ухоженный исторический центр, старые дома скорее можно назвать вечно молодыми. А в солнечной Одессе, по истории, прошел Мамай в лице четырех мэров. Интересно, почему?

Автобус полз по улице Преображенской, забитой до отказа всеми видами транспорта в обе стороны, включая трамвай. Когда Валентин вышел на своей остановке, то его сосуды – он чувствовал – снова сузились. Придется опять расширять с Сашей. Утешало только одно: на машине ему до-

сталось бы больше.

Возле дома – это означало в кафе на углу Некрасовского переулка и Гоголя, столики на улице. Это хорошо, с утра было прохладно, а сейчас приятно. Саша уже ждал и испытывал нетерпение. Он всегда испытывал нетерпение, видимо, считая это разновидностью беспокойства.

Я обратил внимание, что называю героев Валентином и Сашей? Почему не Вале́й? Мне кажется, Валя звучит слишком по-домашнему, панибратски, а Саша – нет, ничего, нормально.

Шаманство

Саша был небольшого роста – говорил, что метр шестьдесят восемь. Валентин знал, что метр шестьдесят шесть, но никогда эти сведения посторонним не выдавал. А ему возражал, ему можно. У них было принято подзуживать друг друга, но силы были неравны. У Саши солидное преимущество.

Я упоминал о противоречиях в характере Саши. Вот одно из них. Он абсолютно не страдал комплексом Наполеона, говорил, что сейчас в моде маленькие. И доказывал это на практике. Но напоминаний об этом не любил. Прическа у Саши короткая, сантиметра два-три, не больше, волосы темные, сейчас выгорели, неопределенного цвета – он зимой и летом ходит без шапки. Спереди, увы, скажем прямо – не густые, он потихоньку лысеет. То, что осталось, стоит дыбом, вроде непослушные. Вроде. Но почему он тогда их ерошит, а не приглаживает?

«Ты не метр с кепкой, – в пикировке иногда говорил ему разъяренный Валентин, – ты метр шестьдесят восемь с прической».

Это даже между ними считалось запрещенным приемом. Как тогда быть с Наполеоном?

Саша был скорее кругло-, чем яйцеголовый, во всяком случае, круглолицый и в общем довольно симпатичный. Глаза серые, всегда насмешливо прищуренные – Валентин тол-

ком не мог понять, он ехидный или ироничный. Саша отвечал, что это одно и то же, только «ехидный» – бытовое название. Немного испортили лицо результаты юношеского увлечения. Учитывая рост и характер, Саша не мог не принять меры – он серьезно занялся боксом и стал кандидатом в мастера. Нос ему испортили, не слишком, чуть-чуть, а вот губы разбили. Оказывается, и губы тоже от бокса страдают, теперь его улыбка даже без старания кажется ехидной.

– Почему испортили? – не соглашался он. – Шрамы мужчине только украшают. – Если судить по успеху у женщин, он был прав. И утверждал: в наше время мужчине не нужно охотиться, нужно только не сопротивляться.

А, кстати, знаете, почему он бросил бокс? Надоело отвечать, в какой категории он выступает – в наилегчайшей.

Так комплекс или только противоречия?

На работе Саша занимался экономическими проблемами, а когда становилось скучно, то подключался к журналистским расследованиям, отчего становилось «весело» не только ему, но и редактору. Редактор связывался с Любой и спрашивал, дорожит ли она мужем. Иногда помогало. Но Саша чаще переходил на нелегальное положение. Увы, и в новой, довольно успешной, Украине «всегда есть место подвигу».

Может, вам образ показался слишком эксцентричным, ничего не могу поделать – какой есть, такой есть.

– Ну, что стряслось? Валя, у меня мало времени. Через

два часа планерка. Если я не найду чего-нибудь жареного, пожарят нас. Сгорим. Тираж падает.

– Все газеты падают, – Валентин думал не о газетах.

– Ну конечно, для тебя все падают. А я – не все. Но дело не в этом. Тебе нужно поговорить. Но у меня тоже есть желание.

Валентин понял его обиду, но переключиться на другую тему не мог.

– Саш, я понимаю и хочу, чтобы твое желание исполнилось. – Он остановился. – Но... у тебя одно на уме. Мне сейчас не до этого. Извини, ты пока ничего не заказывал? Давай тебе сто коньяка, мне – пятьдесят. Я уже причащался. И кофе. И по бутерброду.

Валентин знал, что Саша ездит общественным транспортом или, если припечет, на редакционной машине, с шофером. Он говорил: если бы был за рулем, то получал бы ноль информации. Не было бы контакта.

– Заметно, что причащался, аромат... С утра, в рабочий день, Лавров! Мой журналистский нюх говорит, что не зря приехал. Понял. Переключаюсь на тебя.

Пока они заказывали, пока им принесли, пока выпили коньяк и отхлебнули кофе, Валентин мрачно молчал. Саша вопросов не задавал, хотя время от времени ногой постукивал. Он знал, что в интервью нужно уметь ждать, как на охоте. Он умел владеть своим темпераментом.

И действительно, шлюзы открылись, Валентин рассказал со всеми подробностями то, что вы знаете. Пока Саша слу-

шал, на его лице был только все возрастающий интерес, никакого скепсиса или сомнений, в этом тоже проявлялась журналистская школа. Исповедь нельзя прерывать.

Когда Валентин закончил, на выразительном лице Саши пробежала целая гамма чувств, но насмешки, как ни странно, не было.

– Ну как? Ты думаешь, чепуха? Мнительность?

Ответ был неожиданным:

– О снах ты мне не говорил. Валя, я помню у тебя с такими снами было какое-то время после Милы Росевой. Я правильно помню?

Валентин вздрогнул.

– Черт, как же я мог об этом забыть.

– Вот в этом деле я тебе помочь не смогу, обратись к Гольдбергу. – Имелся в виду тот психолог, о котором я уже упоминал.

– В этом не можешь, а в остальном?

– В остальном могу. Это моя работа. Расследование. Нужно выяснить, было ли в действительности то, о чем говорят слухи. Ты – это и есть слухи. Ты их разносишь. Будем проверять.

– Как это?

– Очень просто. То, что с тобой произошло или кажется, что произошло, невероятно? В этом вся изюминка? То есть главное – не совпадение, а невероятность. Так?

– Да, примерно, – неуверенно поддержал Валентин. – Хо-

тя пес мог умереть, палец могли откусить, но я не мог быть с этим связан. Мои желания.

– План такой. Ты на тех же условиях пожелаешь чего-то реального, но маловероятного, от тебя не зависящего. Но сделаешь точно так, как это было: пожелал, увидел картинку, что там еще – сплюнул через правое плечо...

– Никуда я не плевал и заклинаний не шептал.

– Ну и отлично. Когда убедишься, что ты не Илья-пророк, забудем об этой истории.

– Ты думаешь, что мне нужно изображать из себя идиота и что-то задумывать, желать?

– Уверен. Я психологию людей знаю. Хочешь забыть – сделай хоть глупую, но проверку. Чем глупее, тем лучше, потом будет неловко вспоминать. В комплекте и о проверке, и о твоём перепуге. Понял?

Саша имел влияние на Валентина, да и сама идея казалась правильной, будет потом над чем посмеяться. И над собой. Уже сейчас все происшедшее казалось курьезом. Хорошо, что обратился к Саше.

Они со смехом стали выбирать пожелания. В конце концов прошел вариант Валентина. Он так долго в автобусе думал о судьбе бедного, брошенного власть имущими «старого города», что по инерции предложил:

– Давай пожелаю, чтоб в ближайшее время этот Некрасовский переулок привели в порядок. Дорогу, асфальт, тротуары, цветы. Такое возможно?

Они посмотрели на запущенный квартал, по которому даже транспорт почти не ездил, тупиковое место. А ремонта переулков не видел последних столетия наверняка. И вокруг таких запущенных, но более центральных мест море необъятное.

– Идет. Подходит, реально, но практически невероятно. Кому он нужен?

На том и порешили. Валентин хотел шаманство – так он назвал процедуру – перенести на дом, но Саша настоял:

– Здесь и сейчас. Во-первых, ты можешь передумать, а во-вторых, мне интересно.

Пришлось сдаться. Саша настроил его на серьезный лад: любое дело нужно делать ответственно и серьезно, тем более если это эзотерика, мистика! Они прыснули, пришлось настраиваться заново.

Наконец Валентин решительно повернулся к переулку лицом: вид был не из лучших – почувствовал раздражение и довольно сердито сказал:

– Я хочу, чтобы этот злосчастный переулок наконец привели в божеский вид, заасфальтировали и... – он неожиданно остановился. В глазах удивление.

– Ну, почему скис? – нетерпеливо спросил Саша.

– Я не скис, я увидел картинку. Каток на асфальте...

Саша насторожился, внимательно посмотрел на друга, потом успокаивающе проговорил:

– Вот и хорошо, условия соблюдены. Будем ждать резуль-

тата.

Они помолчали. И Саша добавил:

– Но к Гольдбергу все-таки пойди.

Валентин согласно кивнул – он понял, почему это предложение прозвучало. Саша снова попытался поговорить о своих проблемах, но было ясно, что Валентин сейчас мало что может воспринимать.

– Ладно, ты зациклен, я понимаю. Давай завтра-послезавтра встретимся, у меня тоже есть чем тебя удивить. Договорились?

– Хорошо, созвонимся.

Валентин после кафе пошел домой, нужно было отдохнуть, немного поспать, снять напряжение. Правда, с этой целью они с Сашей взяли еще по пятьдесят – не помогло. Недалеко от своей парадной он встретил Спиридона, и это настроения не улучшило.

– За злодейство всем придется отвечать, – алкаш явно собирался произносить большой монолог. Валентин так посмотрел на него, что Спиридон осекся, повернул назад и засеменил во двор. Он определенно испугался. Но и Валентин пережил шок не меньше. Он с трудом удержался, чтобы не сказать Спиридону: «Заткнись, а то я отправлю тебя вслед за псом!» До чего дело дошло! Нет, без Гольдберга не обойтись.

Саша

Саша понуро возвращался после планерки. Пешком. Некуда было спешить, да и не мешало пораскинуть мозгами.

«Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить».

Но ничего путного в голову не приходит. А должно бы. Редактор, он же босс, он же старший компаньон, он же по совместительству дядя Любы, сказал:

– Иди и не возвращайся без бомбы, а то читатели уже забыли, что есть такое название – «Одесский листок». Больше месяца мы не продержимся, нужна сенсация.

Да, торопиться некуда. Дома сейчас уже вернувшиеся из школы девочки, ими занимается бабушка Любы, спасибо ей. Работать они все равно не дадут, через каждую минуту дверь в кабинет будет открываться. Вот когда придет с работы Люба и скажет: «Не трогайте папу, он работает», – тогда будет тихо. Любу они слушают. Любу все слушают, она признанная царица бабьего царства. Так сложилось.

Когда они поженились, десять лет тому назад, Люба настояла на том, чтобы купить квартиру недалеко от ее семейства. С Сашиними родителями пока – тьфу-тьфу – все в порядке, отец и мать еще работают, недалеко от них живет замуж-

няя младшая сестра Наташа. А семейство Любы нуждалось в мужской заботе. Состав: Любина мама, тетя, бабушка и прабабушка, которой ориентировочно было девяносто – девяносто пять лет. По документам – девяносто два, но во время эвакуации документы теряли, потом заполняли со слов. Хотя практического значения это уже давно не имеет: в таком возрасте небольшой плюс-минус погоды не делает. Мужья у них не сохранились – карма! – они их выгоняли, все, кроме Любы и ее тети, у которой его вообще не было. Помня эту печальную традицию, они трясутся над Сашей, тем более что подозревают, что он может подать повод для громов и молний.

Я уже сообщил, что у Саши две дочки, но еще не уточнил, что они близнецы. Уточняю. Когда Саша узнал, что ожидаются близняшки, он официально отказался участвовать в продолжении воспроизводства.

– Я знаю, что будет. Будет восемь девок, один я – и это в лучшем случае, если не будет близнецов. С меня хватит семи.

Но, по правде говоря, он напрасно жаловался, Люба без проблем управляла всем семейством, включая его, и при этом получала неплохую зарплату: она была бухгалтером солидной фирмы.

Так, бомбу, бомбу... Где взять бомбу? Хорошо бы эффективное уголовное дело кого-нибудь из элиты.

Все знали, что основные перемены в стране начались с

«большой двадцатки». Только после этого события Украина нажала на газ и рванула вперед. Конечно, реформы, конечно, налоговая система, конечно, социальные сдвиги – все это сыграло свою роль и было необходимо. Но Украина находилась в критическом состоянии: на последнем месте в Европе по всем показателям, кроме коррупции, по коррупции – на первом! Это была агония государства. Поэтому обычные методы для лечения не годились, только экстраординарные, хирургические! Новое правительство применило шоковую терапию. Суды почти одновременно посадили двадцать высших элитных воров во главе с их лидером. Только тогда все и началось. Никто даже не думал, что эти «весенние посадки» – народная острота – дадут такие бурные всходы. До шестнадцати процентов роста годовых! Казалось бы, сажать – слишком примитивно, из серии простых решений, которые предлагают популисты. Большинство полагало, что из украинского народа тягу к коррупции, взяткам и воровству за долгие годы никакими посадками не выбьешь. Это большинство возражало малочисленным оптимистам: не приводите в пример Грузию, сколько там этих грузин?.. С гулькин нос. А нас сорок миллионов, и все разные.

Но оптимисты оказались правы: украинцы доказали, что дело не в количестве, а в политической воле. На удивление быстро все всё поняли. Сообразили, когда посадки, продолжаясь в верхних эшелонах, опустились в средние, а потом и в нижние и в лучшем случае заменялись солидными штра-

фами. Дольше всех держались врачи, но и их прижали. Десять лет большинством в парламенте была партия «Неотвратимость», и она свое название оправдала.

И оказалось – не так уж это примитивно. Во-первых, почти не воруют, а во-вторых, если нельзя выжимать нетрудовые доходы, то какой смысл чиновникам не разрешать, вмешиваться, запрещать, указывать, то есть мешать желающим работать. А если никто не мешает, то люди могут многого добиться, что Украина и доказала. В этом и суть либертарианства.

А сейчас... Ведь шепотом говорят, что опять повелись... Вроде бы... И Саша нюхом чует, что можно найти острую тему, есть подземные течения. Но должно быть что-то новенькое, не говоря уже о доказательствах, сейчас за клевету и срок можно схлопотать. Те времена, когда журналисты и политики могли безнаказанно нести все что угодно, давно прошли. Втягиваться в безнадежную и бесконечную авантюру не стоит, какой бы заманчивой она ни выглядела. Сколько времени понапрасну он потратил на Чичигина! Когда это было? Десять?.. Нет, восемь лет тому назад. А как хотелось принести редактору на блюде голову начальника городского управления полиции. Но: не пойман – не вор.

А вот и улица Успенская, угол Канатной. Немного шумно, но что поделаешь. Зато в этом же дворе живет семья Любы, на дверях их квартиры написаны три фамилии, две из них – изгнанных мужей.

Квартирка у Саши с Любой неплохая, второй этаж, четыре комнаты, кухня и даже два туалета – бывшая коммуналка. В гостиной девочки делали вид, что готовят уроки. Саша привычно поцеловал их в лоб – наклоняться не нужно было, Любина порола телом, а головой, возможно, его – Люба почти блондинка, а они почти брюнетки. И похожи на него, определенно похожи.

Саша спросил: «Как дела?», ответа не стал дожидаться. В гостиной было чисто и рациональный минимум необходимой мебели – рука Любы. В это время зашла бабушка Аня, крепкая, крупная семидесятипятилетняя... женщина, ее старухой не назовешь. Саша поздоровался и сказал:

– Я иду работать, можно меня не дергать?

– Конечно, можно, – это было трио.

В кабинете, посреди комнаты, стояло два компьютерных кресла спиной друг другу, перед ними – два стола с компьютерами прижались к противоположным стенам: Любе тоже приходилось работать дома. Рядом с каждым столом у стены стояло по шкафу, один забит всякой всячиной – Сашин, другой, с аккуратными папками и литературой по специальности, – Любин.

Саша сел за свой стол, включил компьютер – это происходит автоматически, без компа нечего за столом делать.

Открылась дверь, извиняясь, вошла Аня, на небольшом подносе – чашечка кофе, бутерброд с колбаской. Любина школа. Мне остается повторить, что моим героям с женами

повезло.

Ну, за работу. Бомба, бомба... Откуда ее возьмешь? Глупо сидеть, глядя в пространство, в ожидании наития. Лучше подработать последний рассказ, все руки не доходят.

Открыл рассказ «Синдром китайского Мандарина». Нашел текст, который ему казался шероховатым.

«У Бальзака в “Отце Горио” был задан такой вопрос... Гм, попробую по памяти, близко к тексту. Как бы читатель поступил, если бы мог, не выезжая из Парижа, одним усилием воли убить в Китае какого-нибудь неизвестного ему старого Мандарина и благодаря этому сделаться богатым?»

Нет, ни для творчества, ни для философских размышлений настроения не было.

Неизвестный китайский Мандарин... Китайский Мандарин снова вернул его мысли к Чичигину, который на днях объявил, что собирается в почетную отставку, на заслуженную пенсию.

Китайский Мандарин из Тайваня... Как в этом рассказе, как в сказке! Оказалось, что Чичигин настолько чист и неподкупен, что заслуживает небесной благодати. Он так и писал о себе в «Фейсбуке»: «Правда побеждает, и честность вознаграждается». С его-то рож... простите, мор... простите, лицом. Но прав был редактор, когда сказал, что физиогномика не принимается судом в качестве доказательства и слухи – тоже.

– Папа, а можно я...

– Таня, я же просил, я занят.

Саша не мог поверить и перенести то, что тогда произошло. На Тайване умер престарелый совладелец офшорного банка, не оставил завещания. Наследников, как и положено, разыскивали по миру и нашли только одного – это был Чичигин. Сначала в это никто не поверил, даже неспециалисты в физиогномике. Но он не выврался, его нашли. И он даже не знал, что у него есть такой родственник. Оказалось, родного брата деда Чичигина маленьким увезли в Харбин, а больного деда, которому тогда было три года, оставили в России. Брат деда окитаился, но не совсем, фамилию оставил, и его сын, покойный Мандарин Чичигин, таким образом, оказался дядей нашего непорочного полицейского начальника. Саша – и не он один – землю рыл, но все было бесполезно.

– Папа, у меня задача...

– Лида, неужели нельзя понять?..

Чичигин вроде бы вспоминал, что в далеком детстве кто-то говорил о родственнике, но когда это было. Почему его отец молчал? А кто стал бы сообщать при советской власти о родственниках за границей? Отец и дома ничего никому не говорил. Объявление было в какой-то российской газете? Но он тех газет не читает, и там было напечатано «Сисикин», что близко к китайскому произношению. Он ни о чем понятия не имел, пока его не нашли.

Саша уйму времени и денег – правда, в основном редак-

ционных – потратил на это расследование, собрал все, что было в Интернете. Собрал, насколько возможно, биографию покойника и доступные данные о его бизнесе, фотографии. Фирма относительно солидная, не однодневка, не проклад-ка, двадцать лет как минимум.

Чичигин имел сайт – играл в современность. Саша собрал его посты и форумы за несколько лет, это были открытые источники, ими можно пользоваться. Ничего интересного.

Покойный Мандарин, кстати, был похож на нашего полицейского, хотя его мать – китайка, сильна российская порода!

Он открыл в компьютере дело Чичигина, нашел фотографию в газете. Подпись: Сисигин Джу Де. Похож, но не настолько, чтобы его мог узнать далекий родственник. А где по-китайски ударение? Сйсигин? Или Сисйгин? И называли его фамилию там раздельно: Сиси гин. Гм, сиси... Сиськи-мисиськи...

– Папа, у меня кончились тетради...

– Таня, я занят. Спроси у мамы.

Следом за фото шли посты и форум. Изучил в свое время вдоль и поперек. Думал, что если нужно передать тайную информацию, то по телефону, по почте простой и имейлу побоятся, а на сайте и форуме могут вписать невинную на вид фразу. Саша провел там уйму времени, бесполезно. Сейчас бездумно пробежал глазами одну, другую страницу форума. И вдруг мелькнуло слово «сиси». Он прочитал текст. «Сиси

и полное отсутствие мозгов. Если устраивает, дай знать». Он это, конечно, видел, но на форуме были мат, и пошлость, и предложения, и все что угодно... А аватар подходящий, буква «Б» на фоне неразличимого лица. Но сейчас он обратил внимание на «сиси» и поэтому внимательно посмотрел на аватар. А ведь, пожалуй, это мужчина. Но тогда у него нет «сисей» и буква «Б» не означает род занятий.

– Папа, мы закончили. Можно пойти погулять?

– Нужно! Только не мешайте.

Он включил компьютерную лупу, навел на аватар. Изображение увеличилось, но еще больше размылось. Собственно, из-за буквы видны один глаз, часть носа и краешек губ. И на глаз спускается чуб – не часто встречается у мужчин. Может, все же женщина? Нет, мужчина. И глаз, и складка у рта... Мужик. Саша, может быть, выдает желаемое за действительное – очень сильно желаемое, – но чудится ему в этом глазе с чубом что-то знакомое.

Буква «Б» тогда – начало фамилии, раз «Б» большое? Ну, тогда тупик, фамилий миллион... А вот если имя, то проще. На Б – Борис... и, кажется, все... Нет, еще Бенья, бандитское имя – Бенья Крик. Бандитское...

В это время открылась дверь, и вошла Люба.

– Люба, – заорал, вскакивая, Саша, – тебя мне господь послал!

Он не дал ей сказать ни слова, усадил в кресло и стал целовать. Стоя целовать снизу вверх было неудобно.

– Любочка, ты мне всю жизнь приносишь удачу. Бенья Шило, Биньямин Шиловский – вот это кто. Любимая титущка Чичигина, вот это кто!

– Тетущка? – Люба не очень удивилась, к эксцентрике своего мужа она привыкла.

– Не тетущка, а титущка, ударение на «у». Так в двадцатые годы называли бандитов спортивного типа.

– Саша, ты выиграл миллион?

– Не выиграл, а выкопал. Вот этим инструментом, – он постучал по виску и, подумав, добавил: – И повезло. Да, конечно, повезло. Невероятно повезло. Смотрел сотни раз, а сейчас открыл и увидел. Но если бы я не нарыл столько материала, то ничего бы не было. Все, все, Любочка. Я должен не упустить удачу. Если рыбка сорвется, я не перенесу. Это не рыбка, это кит!

Он поднял Любу с кресла, сел на ее место, повернулся к столу и отключился от всего мира. Из-за этого Бени он стал заниматься боксом. Ему было... да, лет пятнадцать. Как-то они оказались на дороге у титущек, Саша, как обычно, пытался проявить характер, но Бенья провел по его лицу сверху вниз – это называлось шмайс – и сказал:

– Наберись силенок, потом открывай рот.

Саша запомнил этот чуб.

Кое-какими навыками поиска он владел, тем более что за последние годы Интернет научил многому. Через несколько минут он выяснил, что Биньямин Шиловский, пример-

но 1990 года рождения, в 2022 году эмигрировал из Украины. Наверно, он поменял фамилию и документы, потому что больше сведений о нем Саша не нашел. Пока копать больше в этом направлении не стоило.

Он посмотрел дату форума. 2019 год, за три года до смерти Мандарина. Значит, он был заранее известен, а вероятнее всего, подготовлен, Беня Шило находился при нем либо невдалеке. Теперь нужно посмотреть внимательней, что в это время происходило на Тайване. Саша поднял свои материалы и выяснил, что примерно в этот период у Мандарина начался Альцгеймер – «полное отсутствие мозгов». Логично предположить, что Чичигин – и, может, не один – перекачивал ему деньги в расчете на наследство. Тогда основные поступления должны быть до двадцать второго года, потом воровать стало тяжелее. Хотя кто их знает... Специалист через Интернет может обнаружить, откуда и когда денежные потоки шли в банк. Такого специалиста (на грани хакерства) Саша знал, но сейчас уже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.